

ЧЕРНАЯ ЛИЛИЯ

Элен Дюваль

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Made with

Элен Дюваль

Черная лилия

«Автор»

2026

Дюваль Э.

Черная лилия / Э. Дюваль — «Автор», 2026

Предупреждение: Книга содержит сцены жестокости, токсичных отношений и морально неоднозначного выбора. Герой является антагонистом, и его действия и идеология не романтизируются и не оправдываются автором. История предназначена исключительно для лиц старше 18 лет и не является пропагандой. В тексте подробно и без цензуры описаны:· Эмоциональное и физическое насилие.· Токсичные, абьюзивные отношения и созависимость (стокгольмский синдром).· Плен, принуждение, властный дисбаланс.· Откровенные сцены сексуального характера, содержащие элементы одержимости и доминирования. Позиция автора: Главный герой не является «хорошим парнем». Он — антагонист, чьи действия морально не оправданы. Его отношения с героиней показаны как разрушительная, нездоровая одержимость, а не как романтическая любовь. История не является исторически достоверной. Если вы ищете классический любовный роман, эта книга не для вас.

© Дюваль Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Черная лилия

Глава

Глава 1. «Die Schwarze Lilie»

Сентябрь 1943 года.

Клуб «Чёрная Лилия» — скрытый за неприметным фасадом на Вильгельмштрассе, в двух шагах от правительственного квартала. Только для офицеров высшего ранга, только по специальным пропускам.

Снег, в виде мокрого дождя, падал на Вильгельмштрассе. Селеста свернула в переулок, стараясь ступать бесшумно по брусчатке. В воздухе пахло угольным дымом.

Чёрный ход «Лилии» охранял единственный фонарь, мутный и подслеповатый. Она постучала три раза, выдержала паузу, потом ещё два.

Дверь приоткрылась. Сухопарый немец в застиранном фартуке окинул её быстрым взглядом и отступил, пропуская внутрь.

— Вы опоздали, фройляйн, — буркнул он без особого интереса.

— Трамваи ходят всё хуже, герр Келлер, — ответила она на безупречном немецком.

Старик хмыкнул, запирая засов. Он знал её как Селесту Вайс — из Страсбурга, танцовщицу с французским шармом, но с немецкой фамилией. Легенда держалась уже восемь месяцев. Восемь месяцев она ходила по лезвию бритвы.

Гримёрная встретила запахом пыли и старого бархата — кто-то из артистов красил волосы. Матьё уже сидел перед зеркалом, нанося на лицо грим. На столике перед ним лежала помятая программка сегодняшнего вечера: сценка из Мольера, затем балетный номер.

— Bonsoir, — тихо сказала она, закрывая дверь. По-французски они говорили только здесь, когда были уверены, что никто не слышит.

— Bonsoir, — Матьё обернулся и слабо улыбнулся. Под глазами у него залегли тёмные круги, ещё глубже, чем обычно. — Сегодня в зале будет много эсэсовцев. Весь цвет.

— Тем лучше, — Селеста достала из косметички баночку с пудрой и принялась за лицо. — Пьяные офицеры болтливее трезвых.

Она встала к станку — старой деревянной перекладине, прибитой к стене самим Келлером по просьбе артистов. Plié. Ещё раз. Tendu. Мышцы постепенно отзывались, привычно теплели.

Матьё подошёл к вешалке с костюмами, делая вид, что поправляет свой камзол. И зашептал, не глядя на неё, уткнувшись в воротник:

— Селеста, мы почти ничего не добыли в этом месяце. «Сильфида» ждёт. Связной уйдёт через десять дней, и если мы опять передадим пустышку...

— Я знаю, — она плавно опустила плечо, глядя в мутное зеркало на своё худое лицо.

— Нам нужно что-то существенное. Вчера за третьим столиком обедали двое из абвера, они говорили о переброске войск, но я не смог услышать деталей — музыка слишком громкая. Сегодня нужно подобраться ближе. Я попробую побыть официантом.

— Официанты все на учёте. Рискованно.

— А что не рискованно? — Матьё наконец поднял глаза. — Посмотри на нас. Мы в Берлине, Селеста. В столице Рейха. Каждый час здесь — уже чудо.

Она встала в пятую позицию, вытянув руки. В зеркале напротив застыла фарфоровая кукла — бледное лицо, серо голубые глаза, ни следа страха.

— Достанем информацию, — сказала она одними губами. — У меня есть план.

«Сильфида». Так называлась их сеть — крошечная ячейка французской разведки, заброшенная на территорию Рейха полтора года назад. Название выбрала сама Селеста — в честь балета, который когда-то танцевала её мать в Парижской опере, ещё до войны, до всего. Тогда казалось, что это красиво и романтично. Теперь это звучало как горькая шутка. Сильфида — бесплотный дух воздуха. Как долго дух сможет выживать там, где воздух пропитан страхом?

Связной ждал от них донесений раз в месяц. Последние два месяца они передавали крупницы. Если третий раз будет пустым — центр решит, что ячейка провалена, и связь оборвут.

А значит, они останутся здесь совсем одни.

Оркестр в зале заиграл что-то медленное, тягучее. Где-то там, за бархатными портьерами, уже собирались они — офицеры в чёрных мундирах, с серебряными молниями в петлицах, с бокалами шампанского и картами в портфелях.

Селеста поправила лямки платья. И надела каблук.

Матьё подал ей руку.

— Пора.

Она взяла его ладонь — тёплую, чуть влажную от волнения — и позволила вывести себя в полумрак кулис. За тяжёлым бархатом гудел зал. Кто-то громко смеялся. Звенел хрусталь.

— Ты готова?

— Как и всегда.

Занавес дрогнул и пополз вверх.

Зал «Чёрной Лилии» был совсем другим миром. Не то что их тесная гримёрная с облупившейся краской, продавленным диваном и единственной лампочкой под пыльным абажуром. Здесь всё дышало богатством, властью и той особой, хищной роскошью, которую могли позволить себе только те, кто решал судьбы континента.

Высокие потолки тонули в приглушённом сиянии хрустальных люстр — настоящих, в три яруса, с подвесками, ловившими свет и разбрасывавшими его золотыми искрами по залу. Стены были затянуты тёмно-бордовым шёлком, а кое-где — дубовыми панелями с резными вензелями. Пол отполированный до зеркального блеска, отражал мерцание свечей на столах. Столы были накрыты тяжелыми скатертями цвета слоновой кости, на каждом — серебряные приборы, фарфоровые тарелки с вензелем клуба и узкие бокалы для шампанского, которое здесь лилось рекой.

Вдоль стен стояли официанты в белых перчатках — молодые ребята с каменными лицами. Они двигались бесшумно, возникая из ниоткуда ровно в тот момент, когда у офицера пустел бокал.

И повсюду были они. Немцы. Высшие чины СС, гестапо, абвера, изредка — офицеры вермахта, допущенные в этот круг избранных. Чёрные мундиры с серебряными пуговицами, петлицы с рунами, фуражки с высокой тульей, небрежно брошенные на свободные стулья. Запах дорогого табака и одеколона.

Именно здесь, среди звона бокалов и пьяного смеха, среди развязанных галстуков и расстёгнутых воротов, добывалась самая ценная информация. Расслабленные, уверенные в своей безнаказанности, офицеры говорили слишком громко, обсуждали маршруты, поставки, облавы. А она слушала. И запоминала.

Сегодня она танцевала на автомате.

Ноги двигались сами, отработанными годами движениями. Арабеск. Плие. Пирует. Она улыбалась — той самой лёгкой, кокетливой улыбкой, которую так любили немцы. Улыбалась, хотя внутри всё сжималось от отвращения. Каждый взгляд, который она ловила на себе из зала, был липким, оценивающим. Они смотрели на неё, как на дорогую вещь, на экзотическую зверушку — французскую танцовщицу, так удачно попавшую в их руки.

Но она продолжала улыбаться. Потому что за этими улыбками прятались крупницы сведений. За этими взглядами — неосторожно обронённые слова.

Оркестр взял последний аккорд. Тишина — а потом зал взорвался аплодисментами. Хлопали громко, одобрительно, кто-то даже свистнул. Селеста встала в поклон — медленно, грациозно, как учили когда-то в Парижской опере. Правая нога чуть назад, спина прямая, подбородок опущен ровно настолько, чтобы выглядеть скромной, но не покорной.

Когда она выпрямилась, её взгляд скользнул по залу, привычно выхватывая лица. Генерал Крамер — толстый, краснолицый, с вечно влажными губами. Майор Шульце из абвера — он любит выпить лишнего и потом хвастаться служебными тайнами. Ещё кто-то новенький за третьим столиком, с нашивками...

И вдруг сердце ухнуло вниз.

Она увидела его.

Голубые глаза. Холодные, прозрачные, как лёд на зимнем озере. Они смотрели прямо на неё из полутьмы углового столика — того самого, который всегда пустовал, будто был зарезервирован для кого-то.

Гауптштурмфюрер Конрад фон Айзенберг.

Она знала, кто он. Знала по слухам, которые ходили даже среди немцев — а это о многом говорило. О нём говорили с опаской поглядывая через плечо. Тот, кто ведёт допросы в гестапо лично. Тот, от чьих вопросов у самых стойких агентов сдавали нервы. Говорили, что он никогда не повышает голоса. Что он улыбается, когда делает свою работу. И что те, кто попадал к нему в руки, уже никогда не выходили на свободу — если выходили вообще.

И теперь он смотрел на неё.

Его лицо не выражало ничего. Ни восхищения, ни похоти, ни скуки — только холодное, изучающее внимание. У него был резко очерченный, гладко выбритый, волевой подбородок. Чёрные волосы — длинные сверху и коротко выбритые по бокам, по моде офицеров СС — были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. От уголков губ залегли тонкие, едва заметные складки, но они не старили его, а лишь добавляли лицу жёсткости.

Форма сидела на нём как влитая. Чёрный китель с серебряными пуговицами. На воротнике — петлицы с двумя рунами «зиг», знак СС. На правой стороне груди — имперский орёл, расправивший крылья, сжимающий в когтях дубовый венок. Кожаный ремень с серебряной пряжкой, на которой выгравирован девиз «Meine Ehre heißt Treue» — «Моя честь — это верность». Фуражка лежала на стуле рядом.

Всё это она отметила за долю секунды, потому что именно такая секунда могла стоить ей жизни.

Сердце колотилось где-то в горле. Она заставила себя отвести взгляд. Спокойно. Ровно. Ты просто французская танцовщица, Селеста Вайс из Страсбурга, ты ничего не знаешь, ничего не боишься.

Но он смотрел. И от этого взгляда её кожа покрылась мурашками.

К ней подошёл официант — тот самый молодой парень в белых перчатках, которого она знала в лицо, но не по имени. Он наклонился и тихо сказал по-немецки:

— Фройляйн, вас просят к столу. Генерал Крамер и его гости.

Это было ожидаемо. Так происходило почти каждый вечер: кто-то из офицеров приглашал её за свой стол, угощал шампанским, пытался флиртовать. Это был её план. Её метод. Сесть к ним, улыбаться, смеяться их шуткам, делать вид, что ей льстит их внимание — и слушать. Слушать каждое слово.

Но сегодня за тем столом, среди прочих, сидел фон Айзенберг. Она не видела его там, когда осматривала зал перед выступлением, — значит, он пришёл позже, когда начался танец.

Она не могла отказаться. Отказ вызвал бы вопросы. Подозрения. А подозрения — это именно то, чего нельзя допускать рядом с таким человеком.

Селеста натянула на лицо улыбку — ту самую, лёгкую и беззаботную — и вежливо кивнула официанту.

— Конечно. С удовольствием.

И шагнула в зал.

Она шла через зал, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Вокруг смеялись, звенели бокалы, оркестр заиграл что-то медленное и тягучее, но Селеста слышала только стук собственного сердца. Оно колотилось где-то под горлом и она молилась только об одном — чтобы никто не заметил.

Стол генерала Крамера стоял на небольшом возвышении, в нише, отделённой от остального зала тяжёлыми бархатными портьерами.. За ним сидело пятеро офицеров, но Селеста видела только одного — того, кто расположился чуть поодаль, в тени, с бокалом вина в длинных пальцах.

Генерал Крамер — грузный, краснолицый, с испариной на лбу, несмотря на прохладу в зале — заметил её первым. Он тяжело, с одышкой поднялся со стула и расплылся в масляной улыбке. Его мундир натягивался на животе так туго, что серебряные пуговицы, казалось, вот-вот отлетят.

— Ah, unsere kleine Tänzerin! — прогудел он на весь стол, раскинув руки. — Наша маленькая танцовщица! Идите же к нам, фройляйн, идите!

Он схватил её руку — влажные, горячие пальцы стиснули её ладонь, и Селесте пришлось сделать усилие, чтобы не отдёрнуть руку. Крамер театрально, с нажимом поцеловал ей запястье, чуть выше края белой перчатки, оставив на коже влажный след. От него пахло потом и шнапсом.

— Вы сегодня были божественны. Просто божественны. Садитесь, прошу вас. — Он указал на свободный стул. Тот самый, что стоял почти напротив фон Айзенберга.

Селеста улыбнулась. Мягко. Легко. Как будто всё это — лучший вечер в её жизни.

— Vielen Dank, Herr General. Вы слишком добры.

Она опустилась на стул, поправив платье, и позволила официанту налить ей шампанского. Её пальцы сомкнулись на тонкой ножке бокала.

Фон Айзенберг сидел прямо напротив.

Он не встал, когда она подошла. Не улыбнулся. Не сказал ни слова приветствия. Он просто смотрел на неё этим своим ледяным взглядом, и Селеста чувствовала себя бабочкой, которую насадили на булавку. Его поза была расслабленной — он откинулся на спинку стула, одна рука на столе, рядом с бокалом красного вина. Но в этой расслабленности чувствовалась опасность, как в свернувшейся кольцами змее.

Он медленно, не отрывая от неё взгляда, достал из серебряного портсигара сигарету. Прикурил от золотой зажигалки, которую поднёс один из адъютантов, — сам не пошевелился. Глубоко затянулся.

И выдохнул дым в её сторону.

И дым поплыл через стол, обжёг ей ноздри, заставил глаза заслезиться. Она моргнула, стараясь не подать виду, но слёзы уже выступили на ресницах.

— Wie lange treten Sie hier schon auf? — спросил он.

Голос у него был низкий, спокойный. Но в нём не было ни тепла, ни интереса — только холодное, оценивающее любопытство. «Как давно вы здесь выступаете?»

Селеста набрала воздуха. Ровно столько, чтобы голос не дрогнул.

— Acht Monate, Herr... — она сделала паузу, давая понять, что не знает, как к нему обращаться, хотя прекрасно знала.

— Sturmbannführer, — подсказал кто-то из офицеров. — Herr Sturmbannführer von Eisenberg.

— Acht Monate, Herr Sturmbannführer, — 8 месяцев. — повторила она, глядя ему прямо в глаза.

Она решила, что это правильная тактика — не отводить взгляд. Если будешь прятать глаза, он заметит. Если будешь смотреть слишком дерзко — тоже заметит. Она попыталась найти золотую середину, но его голубые глаза, казалось, видели всё: и её страх, и её ложь, и её отчаянную попытку казаться спокойной.

Он не отвечал. Просто смотрел. Его взгляд прошёлся по её лицу — медленно, изучающе. Задержался на ресницах, всё ещё влажных от дыма. Спустился ниже, к губам. К шее. К ямочке между ключицами, где билась жилка.

Селеста чувствовала этот взгляд как прикосновение. Холодное. Чужое. Опасное.

Молчание затягивалось. Генерал Крамер нервно кашлянул.

И тут заговорил другой офицер — тот самый майор Шульце из абвера, который, судя по покрасневшему лицу, успел уже изрядно выпить.

— Ach, Herr Sturmbannführer, lassen Sie doch das Mädchen in Ruhe! — он хлопнул ладонью по столу. — Я, например, хожу в «Лилию» исключительно ради её выступлений. Лучшее, что есть в этом городе, клянусь!

Он подмигнул Селесте, и она улыбнулась в ответ — с благодарностью, почти искренне. Этот пьяный дурак сам того не знал, но он только что бросил ей спасательный круг.

— Вы слишком добры, герр майор, — проговорила она.

Но фон Айзенберг не отвлёкся на болтовню Шульце. Он по-прежнему смотрел на неё. И когда он снова заговорил, его голос был тихим, почти задумчивым:

— Acht Monate... — он сделал паузу, поднося сигарету к губам. Затянулся. Выдохнул, но на этот раз дым пошёл в сторону. — Acht Monate... fast genau so lange, wie unsere Armee plötzlich Verluste erleidet. Seltsam, nicht?

«Восемь месяцев... прямо как восемь месяцев назад у нашей армии начались потери? Странно, не правда ли?»

В зале за их столиком резко стало тихо.

Так тихо, что Селеста услышала, как потрескивают свечи в канделябрах. Как где-то далеко звенит чей-то бокал. Как стучит её сердце — наверняка все слышат.

Она не могла пошевелиться. Не могла вздохнуть. Её пальцы под столом вцепились в край с такой силой, что кажется поцарапали поверхность. Кровь отхлынула от лица.

Он знает. Боже, он знает.

Прошла секунда. Другая. Третья. Вечность.

А потом фон Айзенберг рассмеялся.

Это был негромкий смех и от этого ещё более жуткий. Его губы раздвинулись в улыбке, но глаза остались прежними — холодными, изучающими.

— Um Himmels willen, Conrad! — генерал Крамер первым подхватил смех, явно испытывая облегчение. — Du und deine Scherze! Ты со своими шутками! Посмотри — ты напугал бедную девочку до полусмерти!

Остальные офицеры загоготали, радуясь, что напряжение спало. Майор Шульце закашлялся от смеха и хлопнул себя по ляжке.

— Ну ты даёшь, Айзенберг! С такими шутками только на допросах работать!

Улыбка Айзенберга стала чуть шире. Но смотрел он по-прежнему на Селесту.

Она заставила себя засмеяться. Её смех вышел нервным, каким-то стеклянным, но в общем хохоте никто этого не заметил. Никто, кроме него.

Она смеялась, а внутри всё леденело.

Потому что он вывел всё это как шутку. Но его голубые глаза, холодные как лёд, говорили совсем о другом. Они говорили: Игра только началась.

Фон Айзенберг поднял бокал, салютуя ей, и сделал медленный глоток. Его кадык дёрнулся. А когда он опустил бокал, на губах всё ещё играла та самая улыбка — улыбка охотника, который только что нашёл дичь.

— Prost, — сказал он тихо. — Auf unsere reizende Tänzerin.

«За нашу очаровательную танцовщицу.»

Все выпили. Селеста поднесла бокал к губам. Шампанское показалось ей горьким.

Подождав немного, она поднялась из-за стола, стараясь, чтобы движения оставались плавными, как на сцене. Никакой спешки. Никакой паники. Только лёгкая, чуть смущённая улыбка — та самая, которой она очаровывала генералов и майоров.

— Прошу меня простить, господа, — проговорила она, поправляя платье. — День был долгим, и мне, право, нужно отдохнуть.

Генерал Крамер разочарованно засопел, но тут же расплылся в улыбке.

— Конечно-конечно, милое дитя! Мы не смеем вас задерживать.

Остальные офицеры закивали. Кто-то поднял бокал на прощание. И только фон Айзенберг не двинулся. Он по-прежнему сидел, откинувшись на спинку стула, и вертел в пальцах потухшую сигарету.

— Ich hoffe, ich habe Sie nicht erschreckt, Fräulein? — он сделал короткую паузу. — Auf jeden Fall werden wir uns jetzt öfter sehen.

«Надеюсь, я вас не напугал? В любом случае, теперь мы с вами будем часто видеться.»

Он смотрел на неё всё с тем же ледяным вызовом. Голубые глаза блеснули в свете свечей, как два осколка стекла. Улыбка тронула уголки его губ, но не поднялась выше — холодная, опасная улыбка человека, который знает больше, чем говорит.

Селеста нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

— Ich freue mich darauf, Herr Sturmbannführer.

«Буду ждать с нетерпением.»

И она ушла. Плавно. Как со сцены. Через весь зал, мимо официантов, мимо смеющихся офицеров, мимо хрустальных люстр, которые вдруг показались ей ослепительно яркими, почти режущими глаза. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились свинцом.

Она миновала бархатные портьеры, свернула в тёмный коридор, потом ещё раз. И только когда дверь гримёрной захлопнулась за её спиной, она позволила себе выдохнуть.

Пол подкосился. В прямом смысле — ноги подогнулись, и она рухнула на продавленный диван, хватаясь за подлокотник. Краска схлынула с лица, оставив его бледным, почти серым.

Матьё, который как раз снимал грим перед мутным зеркалом, резко обернулся. В руке у него застыл комок ваты, пропитанный маслом.

— Mon Dieu, Селеста! Что случилось?

Она молчала несколько секунд, пытаясь выровнять дыхание. Сердце всё ещё колотилось, отдаваясь в висках глухими ударами. Потом подняла глаза — огромные, потемневшие от ужаса.

— Там... — голос сорвался, и она начала снова. — Там, в зале. За столом у Крамера. Ты не поверишь, кто.

Матьё отложил вату и подошёл к ней, опустился на корточки рядом с диваном. Его лицо было встревоженным, брови сошлись к переносице.

— Кто?

— Фон Айзенберг, — выдохнула она. — Гауптштурмфюрер Конрад фон Айзенберг. Он сидел прямо напротив меня. Смотрел. Задавал вопросы. Матьё, он... он знает. Или догадывается.

Она замолчала. Пальцы её вцепились в край диванной обивки с такой силой, что побелели костяшки.

Матьё побледнел. Его лицо, ещё хранившее остатки грима, стало похоже на маску.

— Фон Айзенберг? — переспросил он шёпотом, словно само имя могло их выдать, если произнести его громко. — Тот самый? Из гестапо?

— Тот самый.

— Putain de merde.

Матьё поднялся, сделал несколько шагов по гримёрной, запустил пальцы в волосы. Потом снова повернулся к ней, и она увидела в его глазах то, чего не видела никогда раньше, — страх.

— Селеста, ты понимаешь, что это значит? — заговорил он быстро, почти задыхаясь. — Фон Айзенберг — не просто офицер. Это лучший охотник на шпионов во всём Берлине. А может, и во всём Рейхе. О нём легенды ходят. Говорят, он никогда не повышает голоса на

допросах. Ему это не нужно. Он так ломает людей, что они сами все рассказывают. Те, кто попал к нему в руки, уже никогда не выходят. Никогда. Ты слышишь?

— Я знаю, — тихо ответила она.

— Нет, ты не знаешь! — Матьё почти перешёл на крик, но вовремя опомнился и понизил голос до свистящего шёпота. — Прошлой осенью он раскрыл ячейку в Гамбурге. Всю, до последнего человека. Двенадцать агентов. Их взяли за одну ночь. Одного из них, связного, он допрашивал лично. Четыре часа. И тот сдал всех — хотя до этого молчал три дня под пытками у гестапо. Три дня, Селеста! А этот сломал его за один вечер.

Селеста закрыла глаза.

Она знала эти слухи. Знала и надеялась, что никогда не окажется с ним в одной комнате. И вот она сидела с ним за одним столом, пила шампанское и смотрела ему в глаза, пока её сердце колотилось где-то в горле.

— Он сказал, что теперь мы будем часто видеться, — произнесла она глухо.

— Он так сказал? Этими словами?

— Да. «Теперь мы с вами будем часто видеться». И улыбнулся. Так, как будто всё уже знает.

В гримёрной повисла тишина. Слышно было только, как за стеной гремит посуда на кухне и где-то далеко, в зале, оркестр заиграл новый вальс.

Матьё опустил на стул, стоявший у зеркала. Некоторое время он сидел так, не шевелясь, а потом поднял голову и посмотрел на Селесту.

— Нам нужно затаиться, — сказал он. — Никаких разговоров, никаких попыток что-то выведать. Хотя бы на две недели. Просто выступать и уходить. Никаких лишних движений.

— Но связной уйдёт через десять дней, — напомнила она. — Ты сам сказал: если мы опять передадим пустышку, «Сильфида» решит, что ячейка провалена. Нас отрежут.

— Лучше пусть отрежут, чем то, что сделает с нами фон Айзенберг, — отрезал Матьё и тут же осёкся, увидев её лицо.

Она молчала. Потому что знала: он прав. И знала: они всё равно не остановятся. Потому что если они остановятся сейчас, то всё, что они делали эти восемь месяцев, — напрасно. Все унижения, все улыбки, которыми она одаривала этих людей, — напрасно. Вся ложь, весь страх, все ночи, когда она просыпалась в холодном поту, — напрасно.

— Мы не можем остановиться, — сказала она наконец. — Просто... будем осторожнее. Очень осторожнее.

Матьё долго смотрел на неё, потом медленно кивнул.

— Тогда пообещай мне одну вещь.

— Какую?

— Держись от него подальше. Если он приходит — уходи. Если он приглашает за стол — отказывайся. Если он задаёт вопросы — отвечай коротко и убирайся. Не играй с ним, Селеста. С ним нельзя играть. Он умнее. Он терпеливее. И он опаснее, чем все остальные в этом зале вместе взятые.

Она кивнула.

Но где-то глубоко внутри, в том тёмном уголке души, где ещё теплился страх, она уже понимала: держаться подальше не получится. Он сам этого не позволит.

Фон Айзенберг уже заметил её.

Игра началась.

Глава 2

На следующий день город накрыло мелким, противным дождём. Он моросил с самого утра. Улицы опустели: редкие прохожие жались к стенам домов, пряча лица под воротниками и зонтами.

Селеста шла по Вильгельмштрассе, подняв воротник синего пальто. Ткань давно прохулилась на подкладке, и она чувствовала, как холод пробирается касаясь плеч. Но ей было почти всё равно. Сегодня у неё было хорошее настроение.

Может быть, дело было в воздухе — свежем после дождя. Может быть, в том, что ночью ей впервые за долгое время не снились кошмары. А может, просто в том, что человек не может бояться постоянно — иногда душа требует передышки.

Она свернула в переулок, постучала условным стуком. Старик Келлер открыл дверь, буркнул что-то про погоду и снова запер засов. Селеста спустилась по коридору к гримёрной, потянула дверь на себя и замерла на пороге.

В комнате было тихо. Матьё сидел у зеркала, но не гримировался — просто сидел, ссутулившись, сложив руки на коленях. Лицо у него было мрачное, брови сведены к переносице. Рядом, на продавленном диване, пристроился Арис — молодой парнишка, который работал в «Лилии» осветителем, а заодно был их связным с внешним миром. Он тоже выглядел подавленным и каким-то притихшим.

Селеста перевела взгляд с одного на другого и невольно усмехнулась.

— Что такие хмурые, ребята? — спросила она, стягивая мокрое пальто и вешая его на крючок. — Можно придумать нас раскрыли.

Шутка вышла неуклюжей, но она всё ещё цеплялась за остатки утренней лёгкости.

Матьё не ответил. Он молча перевёл взгляд направо.

Селеста проследила за его взглядом и замерла.

На её гримёрном столике, занимая почти всё свободное пространство, стоял букет. Огромный, пышный, кричаще-роскошный. Два десятка, а может, и больше, алых роз — тёмно-красных, почти чёрных в глубине лепестков, с длинными стеблями, перевязанными чёрной атласной лентой. Капли воды ещё блестели на листьях, словно цветы только что срезали.

Розы в сентябре. В воюющем Берлине. Это стоило целое состояние.

Рядом с букетом лежала записка. Маленький конверт из плотной кремовой бумаги, без адреса, без имени — только гербовая печать, сорванная кем-то.

Селеста медленно подошла к столу. Пальцы её чуть дрожали, когда она вытащила карточку.

«Der kleinen Tänzerin».

«Маленькой танцовщице».

И внизу, размашистым, резким почерком — подпись: С. v. Е.

Конрад фон Айзенберг. Никаких сомнений.

Хорошее настроение исчезло, будто его и не было. Внутри стало холодно и пусто. Селеста опустила на стул, не сводя глаз с букета. Розы смотрели на неё — тёмные, роскошные, как предупреждение. Или как угроза, завернутая в шёлк.

— Он раньше почти не бывал в «Лилии», — тихо сказал Матьё, не глядя на неё. Голос его звучал глухо, словно через подушку. — Может, раз в месяц, не чаще. А теперь говорят, что вечером он снова придёт. Сегодня. И завтра, наверное, будет.

Он помолчал и добавил:

— Может, тебе заболеть на время? Сказаться больной. На неделю. На две. Пусть он поостынет. Пусть переключится на кого-нибудь другого.

Селеста покачала головой.

— Это только вызовет лишние подозрения, — ответила она, и её собственный голос показался ей чужим, слишком спокойным. — Если я исчезну именно сейчас, сразу после его появления, он точно поймёт, что я испугалась. А если он поймёт, что я испугалась, он поймёт и то, что мне есть что скрывать.

Матьё не ответил. Потому что возразить было нечего.

Она снова посмотрела на букет. Такой мог позволить себе только очень богатый человек. Или очень влиятельный. В воюющем Берлине, где обычные люди стояли в очередях за хлебом,

где дети собирали осколки стекла после бомбёжек, где старухи варили суп из картофельных очисток — кто-то покупал охапки алых роз.

Она выступала в «Чёрной Лилии» уже восемь месяцев, но денег получала немного. Ровно столько, чтобы снимать крошечную комнату на окраине и питаться не впроголодь. О том, чтобы шиковать, не было и речи. А кому-то в этом городе и вовсе нечего было есть.

Она коснулась пальцем одного из лепестков — влажного, прохладного, бархатного. Красивого.

И отдернула руку.

Внимание такого человека, как фон Айзенберг, ощущалось не как лесть. Не как ухаживание. Оно ощущалось как тысячи ножей, направленных в спину, — каждую секунду, каждый взгляд, каждое слово. Даже его подарки были не подарками. Они были заявлениями. Он не дарил ей розы. Он показывал ей, что знает, где она работает. Что может достать её где угодно. Что она у него на виду.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — У нас выступление. Давайте готовиться.

Сегодня она играла в небольшой театральной сценке — одной из тех, что так любили немецкие офицеры. Лёгкий, почти фривольный фарс про девушку, которая сбегает с возлюбленным от постылого жениха. Селеста играла эту роль уже, наверное, в десятый раз — и каждый раз её партнёром был Матьё.

Костюм был простым: облегающее серое пальто с чёрным меховым воротником — поношенное, но элегантное, из реквизита «Лилии», — и высокие кожаные сапоги на тонком каблуке. Сапоги были чуть великоваты, но она давно привыкла подкладывать в носки вату.

Она села перед зеркалом и принялась за макияж. Свои каштановые волосы — густые, волнистые от природы — она завила на концах в тугие завитки, так что они рассыпались по плечам и спине мягкими локонами. Серые глаза, которые в тени казались почти прозрачными, она подвела тёмной подводкой, сделав их выразительнее. В жизни ей был двадцать один год, но выглядела она гораздо младше — особенно сейчас, с влажными после дождя волосами и бледным, без румянца, лицом.

Матьё тем временем натягивал камзол — его персонаж был таким романтическим героем, слегка комичным, но искренним. Он поймал её взгляд в зеркале и едва заметно кивнул, молча спрашивая: «Ты в порядке?» Она так же молча ответила коротким кивком: «Да».

Перед самым выходом, когда они уже стояли в кулисах, он наклонился к её уху и прошептал:

— Будь осторожнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.